

Годъ изданія первый.

Цѣна 35 коп.

(на ст. №. 2, 40 коп.)

УТРО ПЕТРОГРАДА

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ И КОНТОРЫ:

Владимірській 12, Помѣщеніе Союза Рабочихъ Печатнаго Дѣла.

ВЫХОДИТЬ ВЪ ПОНЕДѢЛЬНИКЪ УТРОМЪ
ИЗДАНІЕ ПЕТРОГР. СОЮЗА РАБ. ПЕЧАТНАГО ДѢЛА

Пріемъ по дѣламъ редакціи: по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ отъ 5 до 6 час. веч., по воскресеньямъ въ типографіи газеты «Копѣйка» отъ 9 до 12 час. дня и отъ 6 до 9 час. вечера.

Контора открыта ежедневно отъ 10—2 ч. д.

Телефоны:

Редакціи и конторы

4 00-14.

по воскресеньямъ:

676-99, 151-26 и

4-17-60.

ПОДПИСНАЯ ЦІНА

съ доставкой

на 1 мѣс. . . 1 р.—к.

« 3 « . 2 » 75 »

— — — — —

За перенѣну адреса 1 р.

ТРАУРНЫЙ ЦЕРЕМОНИАЛЬ РЕВОЛЮЦИОН. НАГО ПАРИЖА и ПЕТЕРБУРГА.

Вчера хоронили Плеханова. Подъ скользь звуками музыки и пѣнье народа. Играли похоронные марши. Пѣли революционные гимны и доказали каждой пѣсни наше неорганизованность.

Оркестръ мориковъ. Человѣкъ въ тридцать. Музыканты красноармейцы бригады, руководимой Лифшицомъ. Численность еще меньшая. Быть еще оркестръ всероссийского союза оркестровыхъ музыкантовъ, исполненный «свой долгъ» голико при выносе тѣла. Въ процессии его не оказалось.

У многихъ съ рукахъ тетрадки съ надписью «Рабочий интернациональ». Собираются пѣть «Вы жертвою пали». Ничего не выходитъ. То слишкомъ высоко, то неритмично, то не хватаетъ пѣвчихъ. Изумительная нестройность вокальныхъ массъ поражаетъ. Оказывается, что организованныхъ пѣвческихъ хоровъ среди похоронной процессіи не имѣется. На похоронахъ великаго учителя какъ гласили многочисленные платы не нашлось ни одного настоящаго пѣвческаго хора для посвященія музыкальнаго прости.

Иначе было отношение революционной Франціи къ своимъ политическимъ деятелямъ, такъ или иначе имѣвшимъ право на признаніе народа. Ихъ траурный церемоніаль были глубочайшимъ отзвукомъ народной скорби и, разумѣется, онъ былъ

обставленъ съ надлежащей торжественностью.

Кончины и похороны Мирабо. Мало ли было у него враговъ? Но день его кончины и день его похоронъ были днями глубочайшей скорби для всей Франціи.

Тьерсо разсказываетъ, что день начался съ торжественного изъявленія чувствъ Национального Собрания: оно постановило, что новый храмъ святой Женевьевы (Пантеконъ) будетъ предназначенъ для упокоенія праха великихъ людей, заслужившихъ благодарность отечества; что на

фронтонъ его будетъ сделана надпись: «Великимъ людямъ—благодарное отечество», — и что Оноре-Рикетти-Мирабо признанъ достойнымъ этой почести.

Рассказы современниковъ — передаетъ толь же источникъ — даютъ намъ волнующія описанія отчаянія и растрѣянности, охватившихъ народъ при вѣсти о смерти Мирабо. Тело несли двѣнадцать унтер-офицеровъ; двѣнадцать батальонныхъ командиръ поддерживали покровъ. Впереди духовенства шествовалъ оркестръ музыки. Скорбный маршъ Госсека показался поистинѣ страшнымъ: эта медленно подвигающаяся, компактная звуковая масса, затянутые черными, глухо рокотущіе барабаны, вскрики трубъ, рѣзко отчеканиваемые ритмы басовъ, стоны флейтъ, мощные унисоны тромbonesъ, троны

засвѣтые мрачными ударами — тамъ-тама — все это доводило волненіе толпы до крайнихъ предѣловъ. Ноты, отрываясь одна отъ другой, разбивали сердце, терзали душу.

Въ театрахъ были представлены изъ-за сколько пѣсъ, героями которыхъ являются онъ: «Тѣнь Мирабо», «Мирабо на смертномъ одрѣ», «Мирабо въ Елисейскихъ поляхъ» и др. Въ одной изъ этихъ пѣсъ дебютировала на тиатральной сценѣ молодой музыкантъ, которому суждено было стать великимъ и царить въ будущей консерваторіи, зарождавшейся среди французскихъ торжествъ. Это — Керубини, написавший три хора для одноактной пѣсѣ Плюзу — «Мирабо на смертномъ одрѣ», представленной въ театрѣ Фейдо — 24 мая 1791 года.

Шеренгованіе останковъ Вольтера въ Пантеконъ — новое доказательство отношения французовъ къ своимъ великимъ людямъ. Представители науки и искусства были на первомъ планѣ. Большой хоръ музыкантовъ и пѣвцовъ, исполнявшихъ марши и гимны, шелъ впереди колесницы. Нѣкоторые музыканты, — сообщаетъ Тьерсо — играли на инструментахъ античной формы, скопированныхъ ю барельефовъ посланнаго Трояна и возбудившихъ большое любопытство: это были уже используемые въ «Скорбномъ маршѣ» Госсека трубы.

Впрочемъ, — продолжаетъ лѣтоискусецъ, — музыка была повсюду: кромѣ большого музыкальнаго хора, почетнаго оркестра, перевозачальному штану предполагалось что торжество было еще не менѣе трехъ (по

пять), не говоря уже о группахъ трубачей и барабанщиковъ, занимавшихъ определенные места въ процессіи, и о хорахъ, разставленныхъ въ различныхъ шумахъ по пути шествія.

Вспоминаются похороны народного героя генерала Гонса. Снова Тьерсо отмѣтаетъ, что онъ отличался особымъ тщаниемъ въ составленіи художественной и музыкальной частей программы. Историкъ празднествъ французской революціи выдѣляетъ специальный на смерть Гонса написанный похоронный гимнъ. Стихи Шене, музыка Керубини.

Послѣ марша, исполненного оркестромъ и прохожденіи похоронной процессіи, выступили сорокъ молодыхъ дѣвушекъ, ученицы консерваторіи, въ бѣлыхъ платьяхъ и съ античными повязками на головахъ и спѣли первую строфу. Послѣ рѣти заѣли старушки и воины. Церемонію до- кончила послѣдняя строфа Марсельезы: «Къ отечеству священная любовь».

И всегда въ эти траурные дни даже фригийский Парижъ былъ погруженъ въ трауръ. Ни театры, ни танцульки не функционировали.

А на берегу Невы, въ бывшей столице великороджанной Россіи, въ Зимнемъ дворѣ вчера состоялся концертъ коммунального оркестра безъ выключения въ это программу хотя бы какого-нибудь похоронного марша. Въ различныхъ залахъ и помѣщеніяхъ объявлены и не отмѣнены «безпрерывные танцы» до 4 час. утра...

Ник. Бернштейнъ